Искусство, правда и политика (Нобелевская лекция)

Гарольд Пинтер

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Нобелевская лекция лауреата 2005 года, английского драматурга, поэта, режиссёра и актёра Гарольда Пинтера.

- Искусство, правда и политика
- notes
  - 1

Искусство, правда и политика

7 декабря 2005 г.

В 1958 году я написал следующее: "Между реальным и нереальным нет жестких различий, как нет их между истинным и ложным. Совсем необязательно нечто является либо истинным, либо ложным — оно может оказаться и истинным и ложным одновременно".

Я и до сих пор полагаю, что данное утверждение не лишено смысла и применимо к процессу исследования реальности с помощью искусства. Как писатель я с ним согласен, но как гражданин — нет. Как гражданин я должен спросить: "Что есть правда и что есть ложь?"

В драматическом искусстве правда всегда ускользает, и вы никогда не знаете, удалось ли вам ее найти. Но искать вы будете непременно. Сам поиск подстегивает желание добраться до сути. Поиск — ваша задача. Нередко в темноте вы спотыкаетесь об истину, сталкиваетесь с ней, перед вами, случается, мелькает образ или очертания, как будто напоминающие истину, хотя, как правило, вы даже не отдаете себе в этом отчета. Однако истинная правда в том, что в драматическом искусстве никогда не существует одной правды. Их много. Одна правда бросает вызов другой, они отталкиваются друг от друга, отражают, игнорируют, дразнят и ослепляют друг друга. Иногда кажется, что вы схватили правду и на мгновение зажали ее в кулаке, но она исчезает, проскользнув сквозь пальцы.

Меня часто спрашивают, как рождаются мои пьесы. Но я не могу объяснить. Как никогда не могу рассказать, о чем они. Разве что отвечу: это то, что произошло. Люди так говорили. Так поступали.

Большая часть пьес возникла из строчки, слова или образа. Образ обычно идет за словом. Приведу два примера: вдруг мне в голову, непонятно откуда, пришли две строчки, за каждой последовал образ, а за ним уж последовал и я.

Я говорю о пьесах "Возвращение домой" и "Старые времена". Первая строчка в "Возвращении домой" — "Куда ты дел ножницы?". Первая строчка в "Старых временах" — "Темные".

В обоих случаях никакой другой информации у меня не было.

В первой пьесе один человек явно искал ножницы и спрашивал, куда они подевались, у другого, который, как он подозревал, их утащил. Но почему-то я уже знал, что второму нет

никакого дела до ножниц, да и вопрос он пропустил мимо ушей. Слово "темные" представилось мне описанием чьих-то волос, пожалуй, женских, и оно звучало как ответ. В обоих случаях я почувствовал, что должен исследовать происходящее. Восприятие было зрительное — очень медленный, точно в кино, переход от тени к свету.

Сначала я всегда обозначаю героев буквами А, В и С. В пьесе, которая потом стала "Возвращением домой", я увидел, как один человек входит в пустую комнату и задает свой вопрос другому, помладше, который сидит на уродливом диване и читает в газете о результатах скачек. Мне подумалось, что А — это отец, В — его сын, но доказательств у меня не было. Однако скоро мое предположение подтвердилась, когда В (впоследствии ставший Лени) сказал

А (впоследствии ставшему Максом): "Пап, ты не против, если я сменю тему? Хочу тебя кое о чем спросить. Насчет того обеда. Как бы это назвать? То, что мы ели. Почему бы тебе не купить собаку? Ты собачий повар. Честно. Ты готовишь как будто для своры собак". Раз В называет собеседника "папой", разумно заключить, что перед нами отец и сын. Очевидно, что А умеет готовить, но В довольно плохого мнения о его кулинарных способностях. Значит ли это, что у В нет матери? Мне это не было известно. Но, как я сказал себе тогда, вначале мы никогда не знаем, что будет в конце.

"Темные". Большое окно. Вечернее небо. Мужчина А (впоследствии Дили) и женщина В (впоследствии Кейт) сидят и пьют вино. "Полная или худая?" — спрашивает мужчина. О ком они говорят? Но потом я вижу стоящую у окна женщину С (впоследствии Анну) при другом освещении, спиной к ним,

с темными волосами.

Удивительное это мгновение — мгновение, когда рождаются персонажи, которых совсем недавно еще не существовало. Далее следует нечто прерывистое, смутное, похожее на галлюцинацию, хотя иногда стремительное, словно лавина. Автор находится в странном положении. В том смысле, что персонажи совсем ему не рады. Герои сопротивляются, с ними трудно жить, их невозможно определить. И уж конечно, им нельзя диктовать свою волю. В определенном смысле вы играете с ними в бесконечную игру: кошки-мышки, жмурки, прятки. И наконец вы обнаруживаете, что перед вами люди из плоти и крови, люди, обладающие собственными желаниями и эмоциями, состоящие из компонентов, которые вы не в состоянии изменить, переделать или извратить.

Таким образом, язык в искусстве оказывается весьма

сомнительным феноменом — зыбучим песком, батутом, подмерзшей лужей — и может уйти из-под ног автора в любой момент.

Но, как я сказал, поиски правды никогда не прекращаются. Их нельзя оттягивать, откладывать на потом. Их приходится вести тут же, на месте.

Политический театр являет собою совершенно иной комплекс проблем. Любой ценой следует избегать проповеди. Важна объективность. Героям нужно разрешить дышать свободно, автор не может ограничивать или сковывать их в соответствии с собственными вкусами, настроениями или предрассудками. Ему следует быть готовым рассматривать их с разных точек зрения, во всевозможных непредсказуемых ситуациях, иногда ставить в безвыходное положение, но все же разрешать идти туда, куда им хочется. Этот прием используется не всегда. Политическая сатира никогда не следует ни одной из вышеуказанных рекомендаций, она делает нечто прямо противоположное, выполняя присущую только ей функцию.

В пьесе "День рождения" я, кажется, предложил широкий спектр вариантов поведения в густом лесу возможностей, но в конце концов навязал героям свою волю.

"Язык гор" не претендует на столь широкий спектр возможных действий. Эта пьеса грубая, короткая и безобразная. Но солдаты в пьесе знают, как развлечься. Мы иногда забываем, что к пыткам можно легко привыкнуть.

А ведь солдатам надо повеселиться, чтобы не утратить боевой дух. Подтверждением этому послужили события в тюрьме "Абу-Граиб" под Багдадом. "Язык гор" идет всего двадцать минут, но мог бы идти час за часом, снова и снова, повторяя ту же схему опять и опять, час за часом.

А вот действие пьесы "Прах к праху" происходит, как мне представляется, под водой. Тонет женщина, из воды тянется ее рука, потом она скрывается в волнах, вновь тянется, чтобы за кого-нибудь ухватиться, но ни под водой, ни над водой никого нет. Там лишь тени, отражения, качающиеся на поверхности. Потерянная фигура женщины на фоне тонущего пейзажа, женщины, которая не в силах избежать участи, как ей кажется, уготованной другим.

Но другие умирают, и ей тоже приходится умереть.

Политический язык в устах политиков не пытается затронуть подобные темы, поскольку большинство политиков, судя по тому, что мы о них знаем, заинтересованы не в правде, а во власти и в ее удержании. Чтобы удержать власть, важно, чтобы люди пребывали в неведении относительно того, что им неведома

правда, даже правда об их собственной жизни. Поэтому нас окружает огромный ковер, сотканный из лжи, которую нам предлагают потреблять.

Как известно каждому из присутствующих, оправданием нападения на Ирак было наличие у Саддама Хусейна чрезвычайно опасного оружия массового поражения, в том числе такого, которое можно привести в действие в течение сорока пяти минут и вызвать чудовищные разрушения. Нас убедили, что это правда. Но это была ложь. Нам сообщили, что Ирак связан с Аль-Каидой и разделяет с ней ответственность за трагедию 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке. Нас убедили, что это правда. Но это была ложь. Нам сказали, что Ирак представляет угрозу мировой безопасности. Нас убедили, что это правда. Но это была ложь.

Правда совсем в другом. Правда связана с тем, как Соединенные Штаты представляют свою роль в мире и как предпочитают исполнять эту роль.

Но прежде чем перейти к настоящему, я бы хотел оглянуться на ближайшее прошлое, под которым подразумеваю внешнюю политику Соединенных Штатов после окончания Второй мировой войны. Я полагаю, что необходимо подвергнуть этот период хотя бы самому общему анализу, насколько позволит нам время.

Каждый знает, что происходило в Советском Союзе и в Восточной Европе в послевоенный период: систематическая жестокость, повсеместные злодеяния, безжалостное подавление независимой мысли. Все это документировано и подтверждено.

Но я утверждаю, что преступления США того же периода были лишь вскользь обозначены и уж тем более не документированы, не общепризнанны, да и вообще не названы преступлениями. Я считаю, что на это стоит обратить внимание и что эта правда имеет большое значение для понимания того, что представляет собой современный мир. Поведение Соединенных Штатов в других странах, хотя и сдерживаемое в определенной степени существованием Советского Союза, демонстрировало уверенность Америки в том, что ей предоставили карт-бланш на любые действия.

Прямого вторжения на территорию суверенного государства США всегда старались избегать. Чаще всего они предпочитали то, что сами назвали "конфликтом пониженной напряженности". "Конфликт пониженной напряженности" означает, что тысячи людей умирают медленнее, чем когда вы одним махом бросаете на них бомбу. Он означает, что вы заносите инфекцию в самое сердце страны, добиваетесь распространения заразы и наблюдаете за разрастанием гангрены. Когда народ покорен — или забит до смерти, что то же самое, — а ваши друзья, огромные

корпорации и военные, наслаждаются полученной властью, вы выходите к камерам и сообщаете всем, что демократия победила. Обычное дело для внешней политики Соединенных Штатов в период, о котором идет речь.

Трагедия Никарагуа — случай весьма показательный. Я выбрал этот пример, поскольку он наглядно демонстрирует, как Америка определяла свою роль в мире тогда — и сейчас.

В конце 1980-х я присутствовал на встрече в американском посольстве

в Лондоне. Конгресс США как раз должен был принять решение, выделять ли контрас дополнительные средства для ведения войны против государства Никарагуа. Я был членом делегации, выступавшей от имени Никарагуа, но самым влиятельным среди нас был отец Джон Меткаф. Американскую сторону представлял Раймонд Сейц (тогда вторая фигура в посольстве, позднее посол США в Великобритании). Отец Меткаф сказал: "Сэр, у меня приход на севере Никарагуа. Мои прихожане построили школу, медицинский и культурный центры. Мы жили тихо и спокойно. Несколько месяцев назад на наш приход напали силы контрас. Они уничтожили все: школу, медицинский и культурный центры. Изнасиловали монахинь и учительниц, со зверской жестокостью убили врачей. Эти люди вели себя как дикари. Потребуйте, пожалуйста, чтобы правительство Соединенных Штатов прекратило поддержку этой чудовищной террористической организации".

Раймонд Сейц пользовался репутацией разумного, ответственного и очень искушенного политика. В дипломатических кругах его уважали. Он выслушал отца Меткафа и, выдержав паузу, произнес с какой-то особенной серьезностью: "Святой отец, — сказал он, — я хочу вам кое-что сказать. На войне всегда страдают невинные люди".

Последовало ледяное молчание. Мы все стояли и смотрели на него. Сейца это, впрочем, ничуть не смутило.

Невинные люди действительно всегда страдают.

Наконец кто-то сказал: "Но в данном случае "невинные люди" стали жертвами страшных в своей жестокости сил, субсидируемых, наряду со многими другими, вашим правительством. Если Конгресс выделит контрас еще денег, подобные зверства продолжатся. Разве не об этом идет сейчас речь? Разве ваше правительство не несет таким образом вины за то, что поддерживает убийства граждан и разрушения в суверенном государстве?"

Сейц был непробиваем. "Я не согласен, что факты в том виде, в каком вы их представляете, говорят в пользу вашего

утверждения", — сформулировал он.

Когда мы уходили, один из работников посольства сказал мне, что любит мои пьесы. Я не ответил.

Следует вам напомнить, что в то время президент Рейган выступил со следующим заявлением: "В нравственном отношении контрас — это то же самое, что отцы-основатели Америки".

США поддерживали жестокую диктатуру Сомосы в Никарагуа на протяжении сорока лет. В 1979 году никарагуанский народ под предводительством сандинистов сверг этот режим, совершив поразившую мир народную революцию.

Сандинисты, конечно, не были совершенством. Они часто проявляли высокомерие, их политическая философия содержала немало противоречивых моментов. Но к ним относились люди образованные, разумные и цивилизованные, которые начали создавать стабильное, достойное, плюралистическое общество. Была отменена смертная казнь. Сотни тысяч умирающих в нищете крестьян смогли вернуться к жизни. Более ста тысяч семей получили право владеть землей. Было построено две тысячи школ. В результате замечательной кампании по борьбе с безграмотностью количество людей, не умеющих читать и писать, сократилось до менее чем одной седьмой населения. Образование и здравоохранение стали бесплатными. Детская смертность уменьшилась на одну треть. Было покончено с полиомиелитом.

США объявили эти достижения марксистско-ленинским переворотом.

С точки зрения американского правительства, страна стала опасным примером. Если Никарагуа позволено устанавливать основные нормы общественно-политической справедливости, если ей позволено поднимать уровень здравоохранения и образования, добиваться национального единства и самоуважения, то соседние страны начнут ставить те же вопросы и делать то же самое. В те годы мы были свидетелями яростного противодействия существующему положению в Сальвадоре.

Выше я говорил об окружающем нас "ковре лжи". Президент Рейган не переставал называть Никарагуа "застенками тоталитаризма". Этот образ подхватили средства массовой информации и, конечно, британское правительство, сочтя его точной и справедливой характеристикой. Но в действительности никаких сообщений о расстрельных командах при сандинистском правительстве не было. О пытках также ничего не говорилось. Не наблюдалось свидетельств систематических жестокостей и со стороны военных. В Никарагуа не убили ни одного религиозного деятеля. А вот в правительство этой страны, между прочим, входили три священника — два иезуита и один представитель

миссии Мэринолл. "Застенки тоталитаризма" находились по соседству, в Сальвадоре и Гватемале. Соединенные Штаты свергли демократически избранное правительство Гватемалы в 1954 году. Подсчитано, что более двухсот тысяч человек стали жертвами последующих военных диктатур.

В 1989 году шестеро из наиболее известных иезуитов всего мира были подло убиты в Центрально-американском университете Сальвадора батальоном полка Алкатл, прошедшим подготовку в Форте Беннинг американского штата Джорджия. Архиепископ Рамеро, человек исключительной храбрости, встретил смерть во время мессы. Согласно проведенным подсчетам, всего погибли семьдесят пять тысяч человек. За что их убили? Их убили за то, что они верили в возможность лучшей жизни и хотели ее достичь. Эта вера тут же превращала их в коммунистов. Они умерли, потому что осмелились поставить под сомнение существующий порядок вещей, бескрайнее поле бедности, болезней, угнетения и деградации, уготованных им по факту рождения.

Соединенные Штаты в конце концов свергли сандинистское правительство. На это ушло несколько лет и потребовалось преодолеть значительное сопротивление, но непрекращающееся экономическое давление и тридцать тысяч убитых подорвали наконец дух никарагуанского народа. Люди вновь обессилели и впали в нищету. И тогда в страну опять вернулись казино. Бесплатное здравоохранение и образование ушли в прошлое. В страну хлынул вернувшийся крупный бизнес. "Демократия" победила.

Но такая политика США ни в коей мере не ограничивалась одной лишь Центральной Америкой. Она проводилась по всему миру. Постоянно. А кажется, будто ничего и не было.

После Второй мировой войны Соединенные Штаты поддерживали, а во многих случаях создавали каждую правую военную диктатуру в мире. Я имею в виду Индонезию, Грецию, Уругвай, Бразилию, Парагвай, Гаити, Турцию, Филиппины, Гватемалу, Сальвадор и, конечно, Чили. Тот кошмар, который США устроили в Чили в 1973 году, невозможно ни оправдать, ни забыть.

В этих странах были убиты сотни тысяч людей. Были ли? И во всех ли случаях убийства связаны с внешней политикой Америки? Ответ: да, были, да, связаны. Но мы как будто об этом не знаем.

Этого не происходило. Вообще ничего не происходило. Даже когда это происходило, все равно ничего не происходило. Кому какое дело! Ничего интересного. Преступления Америки совершались систематически, постоянно, злонамеренно и

безжалостно, но очень немногие о них говорили. Мы сами передали инициативу Соединенным Штатам. И они выработали почти медицинский подход к манипулированию властью в мире, притворяясь силой, добивающейся всеобщего блага. Великолепный, даже остроумный и весьма успешный случай гипноза.

Я утверждаю, что Соединенные Штаты, без сомнения, величайшие лицедеи. Они могут быть грубыми, безразличными, презрительными и беспощадными. Но им не откажешь в уме. Они торговцы, продающие собственный товар, из которого самое ходовое — любовь к себе. Они победители. Послушайте, как все американские президенты, выступая по телевидению, произносят слова "американский народ". Например: "Я говорю американскому народу, что пора, помолившись, защитить права американского народа, и прошу американский народ доверять действиям своего президента, которые он собирается предпринять от имени американского народа". Блестящий и хитрый ход. Фактически язык используется с целью не дать людям подумать. Слова "американский народ" служат поистине роскошной утешительной подушкой. Думать не требуется. Откиньтесь на подушку. Возможно, она задушит вашу сообразительность и способность критически мыслить, но она очень удобная. Конечно, это не относится к сорока миллионам, живущим за чертой бедности, и двум миллионам мужчин и женщин, заключенным в огромных тюрьмах-гулагах, разбросанных по территории этой страны.

Но теперь Соединенные Штаты больше не тратят силы на создание "конфликтов пониженной напряженности". Уже нет никакого смысла действовать скрытно, окольными путями. Они сразу выкладывают карты на стол, никого не боясь и не спрашивая разрешения. Им попросту наплевать на Организацию Объединенных Наций, международное право или критику в свой адрес — все это, с их точки зрения, лишено смысла и к делу не относится. А еще у них на веревочке есть свой маленький ягненок, который, блея, тащится следом, — жалкая и бездеятельная Великобритания.

Что случилось с нашим нравственным чувством? Было ли оно у нас? И что вообще это понятие означает? Не связано ли оно со словом, которое в наше время употребляется крайне редко, — "совесть"? Совесть, имеющая отношение не только к нашим собственным действиям, но и к ответственности за поступки других. Неужели все это умерло? Посмотрите на базу Гуантанамо. Более трех лет сотни людей содержатся там без предъявления обвинения, у них нет никакой юридической поддержки, нет и нормального судебного разбирательства, то есть фактически они

заключены там пожизненно. Эта абсолютно незаконная структура — явный вызов Женевской конвенции. Однако так называемое "международное сообщество" не только терпит, но даже не задумывается

о происходящем. И этот преступный произвол осуществляется страной, объявившей себя "лидером свободного мира". Интересуют ли нас узники Гуантанамо? Что рассказывают о них средства массовой информации? Иногда проскальзывает несколько слов — маленькая заметочка на шестой странице. Людей держат на "ничьей земле", откуда, и в самом деле, едва ли вернешься. В настоящее время многие заключенные объявили голодовку, и их, включая британских граждан, принудительно кормят. Ничего приятного в принудительном кормлении нет. Не применяются ни успокоительные, ни анестезирующие средства. Просто трубка вставляется в нос, а потом пропихивается в горло. Вас рвет кровью. Это пытка. Что сказал по данному поводу министр иностранных дел Великобритании? Ничего. Что сказал премьер-министр? Ничего. Почему? Потому что Америка заявила: критиковать наше поведение в бухте Гуантанамо — значит совершить недружественный поступок. Вы либо с нами, либо против нас. И Блэр ни гу-гу.

Нападение на Ирак было актом бандитизма, актом неприкрытого государственного терроризма, демонстрирующим полное презрение к понятию международного права. Нападение на Ирак было произволом, военной операцией, основанной на последовательной лжи, и вопиющим манипулированием средствами массовой информации и, следовательно, обществом. Оно было призвано укрепить военный и экономический контроль над Ближним Востоком, представив его — как последнее средство, поскольку все остальные оправдания больше ничего уже не оправдывали — в виде освобождения. Чудовищное утверждение военной силы, ответственной за смерть и увечья, ставшие уделом тысяч и тысяч невинных людей.

Иракскому народу мы принесли пытки, кассетные бомбы, обедненный уран, многочисленные убийства случайных людей, бедствия, упадок и смерть, назвав это "обеспечением свободы и демократии на Ближнем Востоке".

Сколько людей нужно убить, чтобы ваши преступления квалифицировались как "массовые убийства", а вас сочли военным преступником? Сто тысяч? По-моему, более чем достаточно. Следовательно, справедливость требует, чтобы Буш и Блэр предстали перед Международным судом ООН. Но Буш совсем не глуп. Он не ратифицировал Международный суд ООН. Поэтому если американский солдат или, что не менее логично,

политик окажется на скамье подсудимых, Буш направит туда морских пехотинцев — он уже всех предупредил. Но Тони Блэр ратифицировал Международный суд ООН и поэтому доступен для судебного преследования. Если судьям интересно, я готов сообщить его адрес: Лондон, Даунинг-стрит, дом 10.

Смерть в данном контексте несущественна. И Буш, и Блэр относят ее на задний план. По крайней мере, сто тысяч иракцев погибли под американскими бомбами и снарядами, прежде чем Ирак восстал. Эти смерти не имеют значения. Сплошной пробел. Эти погибшие даже не зарегистрированы. "Мы не занимаемся подсчетами убитых", — сказал американский генерал Томми Фрэнкс.

В самом начале войны на первой странице британских газет появилась фотография, на которой Тони Блэр целует в щеку маленького иракского мальчика. Подпись гласила: "Благодарное дитя". Через несколько дней на одной из страниц внутри газеты была опубликована статья с фотографией другого четырехлетнего мальчика, только без рук. Его семью уничтожил разорвавшийся снаряд. Выжил один ребенок. "Когда у меня опять будут ручки?" — спрашивал мальчик. Статья обрывалась. Этого мальчика Тони Блэр не обнимал, как не обнимал ни одного изувеченного ребенка, не держал на руках ни одного окровавленного трупа. В крови можно запачкаться. Испортишь рубашку и галстук, а тут как раз надо выступать по телевизору с проникновенной речью.

Две тысячи погибших американцев, конечно, смущают. Их перевозят на кладбища в темноте. Похороны скромные, чтобы чего не вышло. Изувеченные гниют на койках, некоторые до конца жизни. Так что гниют и изувеченные и мертвые, только в разных могилах.

Вот отрывок из стихотворения Пабло Неруды "Объяснение":

В одно утро все загорелось.
Из-под земли вышел огонь,
он пожирал живых.
С тех пор — огонь,
с тех пор — порох,
с тех пор — кровь.
Разбойники с марокканцами и самолетами,
разбойники с перстнями и герцогинями,
разбойники с монахами, благословлявшими убийц,
пришли,
и по улицам кровь детей
текла просто как кровь детей.

Шакалы, от которых отступятся шакалы,
гадюки — их возненавидят гадюки,
камни — их выплюнет репейник.
Я видел, как в ответ поднялась кровь Испании,
чтобы потопить вас
в одной волне
гордости и ножей.
Предатели-генералы,
посмотрите на мой мертвый дом,
на разломанную Испанию.
Но из каждого мертвого дома,
вместо цветов,
подымается сталь.
Но с каждого пустыря Испании
встает Испания.
Но из каждого убитого ребенка
прорастает ружье с глазами.
Но из каждого преступления
рождаются пули,
они заменят вам сердце.
Вы спрашиваете, почему я не говорю
о мечтах,
о листьях,
о больших вулканах моей жизни?
Смотрите: на улице кровь.
Смотрите:
кровь
на улице![1]

Хочу подчеркнуть, что, цитируя стихотворение Пабло Неруды, я ни в коем случае не сравниваю республиканскую Испанию с Ираком Саддама Хусейна.

Я цитирую Неруду потому, что нигде в современной поэзии мне не встречалось такого страшного, кровавого описания бомбежек гражданского населения.

Выше я говорил, что Соединенные Штаты теперь абсолютно открыто выкладывают карты на стол. В этом-то все и дело. Суть их политики официально объявлена как "повсеместное доминирование". Это придумали они, а не я. "Повсеместное доминирование" подразумевает управление сушей, морем, воздухом, пространством и существующими ресурсами.

Сегодня Соединенные Штаты имеют 702 военные базы в 132 странах мира, к которым, к ее чести следует сказать, не

принадлежит Швеция. Мы не очень себе представляем, как американцы туда попали, но будьте уверены — они там.

На вооружении США 8 тысяч действующих ядерных боеголовок. Две тысячи ракет находятся на боевом дежурстве, и их можно запустить за пятнадцать минут. Америка развивает новые системы ядерного вооружения под названием "противобункерные заряды". Англичане, конечно, дудят в ту же дудку и планируют заменить собственные ядерные ракеты "Трайдент". Хотелось бы знать, куда они их нацелят? На Усаму Бен Ладена? Вас? Меня? Джо Доукса? Китай? Париж? Кто знает? Но одно нам точно известно, что эта инфантильная дурь — обладание ядерным оружием и использование его в целях запугивания — основа политической философии сегодняшней Америки. Нельзя забывать, что США постоянно находятся в состоянии боевой готовности, и нет признаков, которые свидетельствовали бы о ее ослаблении.

Многие тысячи, если не миллионы людей в Соединенных Штатах явно испытывают отвращение, стыд и гнев по поводу действий своего правительства, но они не являются внятной политической силой — пока. Однако тревога, неуверенность и страх, которые, как мы видим, ежедневно растут в Америке, едва ли уменьшатся.

Я знаю, что у президента Буша много чрезвычайно компетентных спичрайтеров, но я бы хотел предложить ему свою кандидатуру на добровольных началах. Вот с таким коротким обращением к нации он мог бы выступить по телевидению. Так и вижу его, важного, тщательно причесанного, серьезного, победоносного, искреннего, часто отвлекающегося на смешные мелочи, иногда криво усмехающегося и по-своему привлекательного — в общем, своего человека.

"Бог хороший. Бог великий. Бог хороший. Мой Бог хороший. А бог Бен Ладена плохой. Плохой бог. У Саддама плохой бог. К тому же у него вообще нет бога. Саддам — варвар. Мы не варвары. Мы не рубим людям головы. Мы любим свободу. И Бог тоже. Я не варвар. Я демократически избранный лидер свободолюбивой демократической страны. Наш народ сострадателен. Из сострадания мы казним на электрическом стуле и делаем смертельные инъекции. Мы великая нация. Я не диктатор. Это он диктатор. Я не варвар. Это он варвар. Он, он. Все они варвары. У меня есть моральный авторитет. Не забывайте".

Жизнь писателя — это весьма уязвимая, практически ничем не защищенная деятельность. И жаловаться не стоит. Писатель делает свой выбор и должен его держаться. Но правда и то, что вы

открыты всем ветрам, из которых некоторые поистине ледяные. Вы сами за себя отвечаете и оказываетесь в трудном положении. Вам, если не лжете, не найти ни укрытия, ни защиты, а если лжете, то, конечно, создаете себе защиту, и можно утверждать, что становитесь политиком.

В этот вечер я не раз говорил о смерти. Сейчас я прочитаю свое стихотворение, которое называется "Смерть".

Где нашли мертвое тело?
Кто нашел мертвое тело?
Было ли мертвое тело мертвым, когда его нашли?
Как нашли мертвое тело?
Кем было мертвое тело?
Кто был отцом, дочерью, братом,
Дядей, сестрой, матерью или сыном
Мертвого и брошенного тела?
Было ли мертвое тело нагим или одетым для путешествия?
Почему вы объявили, что мертвое тело мертво?
Вы объявили, что мертвое тело мертво?
Хорошо ли вы знали мертвое тело?
Как вы узнали, что мертвое тело мертво?
Вы омыли мертвое тело?
Вы закрыли ему глаза?
Вы погребли его?
Оставили непогребенным?
Поцеловали вы мертвое тело?

Глядя в зеркало, мы думаем, что возникающий перед нами образ точен. Но стоит отодвинуться на миллиметр, и образ меняется. В действительности мы видим бесконечную череду отражений. Но иногда писателю следует разбить зеркало — потому что с той стороны на нас смотрит истина.

Я полагаю, что, несмотря на существующие огромные разногласия, твердая, непоколебимая и страстная интеллектуальная решимость граждан узнать настоящую правду о жизни и обществе есть данная нам настоятельная необходимость. Фактически — наш долг.

Если эта решимость не проявит себя в политическом восприятии мира, то у нас нет надежды возродить то, что мы уже почти потеряли, — достоинство человека.

notes

Примечания

1

Стихотворение из книги "Третье местожительство" (1934–1947) в переводе Ильи Эренбурга.